

дарственное. Это какія-то напередъ данныя кнѣ-
точки, напоминающія матеріаломъ; читаешь при
чтении какъ бы прерывается нить разсказа; это
что-то случайное, чрезвычайно раздробленное. Не
соблюдена историческая перспектива, т. е. на
ряду съ ничтожными вопросами стоятъ вопро-
сы первостепенной важности. У Соловьева не-
редко матеріалъ господствуетъ надъ авторомъ;
мы встрѣчаемъ у него массу матеріала необра-
ботаннаго, неперевавленнаго. Соловьевъ создаетъ
цѣлую цѣлую исторію и юристовъ. Его по-
сидователи: Кавелинъ, Чириковъ, Леонтовичъ,
Самаринъ, Никольскій, Ключевскій, отчасти
Забѣлинъ, Владиміръскій Бугановъ и др. Эту цѣлую
можно назвать историко-юридической. Наибо-
лѣ замѣчательными почитателями Соловьева
являются -

§17. Константинъ Дмиріевичъ Кавелинъ.

Библиографія:

Бестужевъ-Рюминъ. О сочиненіяхъ Ка-
велина. (Отг. зап. 1860г.).

Спасовичъ. Памяти Кавелина (Вѣстникъ
Европы 1885).

В. К. Поддубицкій въ русской лите-
ратурѣ (Рус. Бог. 1889).

Кавелинъ собственноразвиваетъ и дополняетъ
взгляды Соловьева и въѣвъ въѣвъ съ тѣмъ его
критикомъ. Это - личность очень выдающаяся и по
своимъ умственнымъ дарованіямъ, и по нрав-
ственнымъ качествамъ, хотя онъ не создаетъ
ничего, свѣтлѣющаго своимъ громаднымъ

творческимъ талантамъ. Его сочиненія не проникнуты сухимъ характеромъ; они имѣютъ большое воспитательное, нравственное значеніе.

Ф. Д. Кавешинъ родился въ 1818 году въ С.-Петербургѣ, происшедшій изъ стариннаго дворянскаго рода, замѣннаго сначала по Воронежской, а впоследствии по Кавказской губерніи. Мать его англичанка въ дѣтствѣ осталась круглой сиротой и была принята на воспитаніе у Левашевыхъ. Кавешинъ провелъ дѣтство и юность свою въ Петербургѣ (до 5 л.), въ Рязани (до 11 л.) и въ Москвѣ. Мѣсто онъ проживалъ въ деревнѣ, Милоской губерніи въ Бѣлевскомъ уѣздѣ. До самаго вступленія своего въ Московскій университетъ онъ постоянно воспитывался дома и не наведился ни въ частномъ, ни въ казенномъ учебномъ заведеніи. Въ 1835 году Кавешинъ вступилъ по экзамену въ Московскій университетъ на филологическій факультетъ, но вскоре перешелъ на юридическій, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1839 году. Черезъ годъ по выходѣ изъ университета въ 1840 году Кавешинъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра гражданского законодательства, но защитилъ диссертацию только въ 1843 году на тему: „Основныя начала русскаго судопроизводства и гражданского судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до учрежденія о губерніяхъ“. Въ промежутокъ времени отъ магистерскаго экзамена до защиты диссертации онъ состоялъ на службѣ въ Департаментѣ Министерства Юстиціи. Въ 1844 году

Рус. Географія 2 т. лек. проф. Багалъя. листъ 26.

Кавелинъ назначенъ въ званіи адъюнкта по юридическому факультету въ Московскій университетъ. При самомъ вступленіи на кафедру ему поручено было чтеніе по исторіи Русскаго законодательства, а чрезъ годъ и преподаваніе русскіхъ государственныхъ и губернскихъ учреждений и законовъ о состояніяхъ студентамъ всѣхъ факультетовъ, кромѣ юридическаго. Въ изложеніи нынѣ дѣйствующихъ законовъ Кавелинъ слѣдовалъ своду законовъ, только сокращая его и дѣлая, гдѣ было нужно, краткіе историческіе обзорныя. Въ исторіи же Русскаго законодательства, главнымъ предметъ его занятій, онъ раскрывалъ студентамъ юридическаго факультета 1го курса преимущественно родовыя начала Русскаго быта въ ихъ историческомъ развитіи. Первый курсъ (1844-45) былъ имъ доведенъ до царствованія Петра Великаго, во второй (1845-46) онъ успѣлъ представить и краткій очеркъ законодательства Петра Великаго въ области государственнаго права. Последний учебный его курсъ (1847-48) былъ преимущественно монографическій. Кавелинъ большую часть лекцій посвятивъ весьма подробному обзорному первоначальному быта Славянъ и изслѣдованію происхожденія древнѣйшихъ Славянскихъ учреждений, при чемъ пользовался данными изъ теперешняго быта Славянскихъ народовъ и историческими письменными памятниками ихъ древнѣйшей исторіи. Въ то же время онъ отдѣлялъ одну лекцію въ недѣлю для чтенія и объясненія студентамъ древнихъ памятниковъ русскаго законода-

теинства, начиная съ Русской Правды. Кавелинъ предполагалъ такими образомъ пройти монографически всю историю русскаго законодательства и объяснить постепенно весь главный материалъ нашей юридической жизни. Планъ этотъ, разчитанный на много лѣтъ, не могъ быть приведенъ въ исполненіе за выходомъ Кавелина въ 1848 году изъ Университета. Взглядъ, положенный имъ въ основаніе своего курса, представленъ въ скажому очеркѣ, въ статьѣ, напечатанной въ 1ой книжкѣ Современника за 1847 годъ подъ заглавіемъ: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“. Въ давленнѣйшій трудъ Кавелина по части Русской истории и истории русскаго законодательства состояли въ одноѣхъ критическихъ статьяхъ и рецензіяхъ на сочиненія и собранія историковъ по этому предмету. Между прочимъ ему принадлежатъ сочиненія: „Задачи этики“, „Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ насильствованія и угнетенства“ и др. Въ своемъ трудѣ „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“, напечатанномъ въ 1^{омъ} томѣ его сочиненій, Кавелинъ проводитъ ту же программу, какую положилъ Соловьевъ въ основаніе своего труда, но родовой бытъ у Кавелина изложенъ обстоятельнѣе, чѣмъ у Соловьева. Въ самомъ началѣ статьи Кавелинъ указываетъ на то, что въ Русской исторіи, въ сравненіи съ исторіей западныхъ народовъ, мы не встрѣчаемъ ни одной сходной черты, а много противоположныхъ. Затѣмъ онъ заявляетъ, что не смотря на множество

„взглядовъ“ и „теорій русской исторіи“, написанныхъ въ разное время для объясненія общаго хода русской исторіи, ни на шагъ не продвинуто изученіе русской исторіи, такъ какъ не было изученія фактовъ. Благодаря неудачѣ теорій обратились къ изученію фактовъ, но вдалились въ другую крайность, — стали обращать большее вниманіе на меночные вопросы. Но „чтобы понять тайный смыслъ исторіи, говорить о ней, чтобы оживить нашу историческую литературу, необходимъ взглядъ, теорія. Они должны представить русскую исторію, какъ развивающійся организмъ, живое цѣлое, пронизанное однимъ духомъ, однимъ началомъ.“ Ключъ къ правильному пониманію русской исторіи находится въ родовомъ бытѣ. И теперь въ деревнѣ, говоритъ онъ, старики лѣтати зовутъ младшихъ ребятами, молодеками, младшіе старшихъ дядями, дядями, тетками, ровные — братьями, сестрами. Словомъ, все отношенія между неродственниками сознаются подъ формою родства. Вообще, у русскихъ славянъ былъ первоначально одинъ чисто семейственный, родственныи бытъ, безъ всякой примеси; Русско-Славянское племя образовалось въ древнѣйшія времена исключительно однимъ путемъ народожденія. „У другихъ славянъ этотъ бытъ прерванъ нашими сѣверно подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ условій. Завоеванія Аваръ, Хазаръ, Норманновъ и татаръ не оставили никакихъ послѣдствій въ нашей исторіи, такъ какъ завоеватели не селились среди туземцевъ. „Одни сѣверные вы-

хоруги Вараги составляют какъ будто исклю-
ченіе, говоритъ Навелинъ. Они изъ призванныхъ
властителей становятся завоевателями, но
тогда какъ въ другихъ странахъ Вараги на дол-
го придаютъ свой характеръ быту покоренной сѣра-
ны, у насъ они скоро подчиняются вліянію тузем-
наго населенія и, наконецъ, совершенно исче-
заютъ, заставляя нашу надолго мысль о государ-
ственномъ единствѣ всей русской земли, дру-
жеское начало и систему областного прав-
ленія”.

Первоначально каждое поселеніе нашихъ пред-
ковъ было нѣчто иное, какъ, разросшаяся, раз-
множившаяся семья, кѣткой чины и потомки
живутъ вѣсть, на единомъ кормѣ. Такъ все
первобытное Славянское населеніе Россіи было
огромное дерево, споконно выросшее изъ одного
зерна; поселенія и племена — его въковыя вѣтви
и отпрыски”. „Внутри поселеній царствуютъ
чисто семейный бытъ подъ управленіемъ стар-
шаго рожденіемъ и мѣтами. Его властѣ была се-
мейная, родительская”. Этотъ бытъ „создала
природа, кровь; она его поддерживала и нѣмъ
управляла. Оттого — совершенная юридическая
неопредѣленность — его отличительная черта”.

„Въ чисто семейномъ бытѣ нашихъ предковъ
лежали зачатки его будущаго разрушенія. Онъ
былъ созданъ природою, а не мыслью, не созна-
ніемъ, который могли бы дать ему твердость,
постоянство, а вѣсть и опредѣленность,
ему совершенно неизвестную. Но кровная связь
мѣткою непрочны, чтобы поддержать обще-
ственный бытъ. Племена, заселявшія Россію,

болѣею частью разрозненныя, иногда вражде-
 бующія между собой, то все произошло изъ одной
 семьи, но почти совѣшь забыли свое единство;
 отъ него осталось одно смутное воспоминаніе.
 Когда народонаселеніе умножилось, семьи раз-
 множились — появилось много старшихъ родовъ,
 тогда невозможно стало опредѣлить, кто изъ
 нихъ старше, и стали избирать старей-
 шину. Его значеніе, благодаря посреднической ро-
 ли въ несогласіяхъ отдѣльныхъ семей, возраста-
 етъ, и это возрастаніе было признакомъ возра-
 стающей разрозненности семей. „Каждая болѣе
 и болѣе начинаетъ погружаться въ свои служеб-
 ные интересы, внутри себя жить своею особен-
 ной жизнью, точно такою же, какою было
 сначала цѣлое поселеніе“. „Въ болѣе или осла-
 бленіи единства поселенія, котораго старей-
 шина былъ представителемъ, семьи мало по
 малу становятся главными дѣятелями, и
 власть ихъ общаго старейшины ослабѣваетъ.
 Образуются въ поселеніяхъ общія совѣщанія
 — вѣща (отъ вѣщати), такія еще неопредѣлен-
 ныя, юридически неустановленные собранія,
 какъ и все тогдашній бытъ. Чтобымъ сход-
 биша семей для общаго совѣщанія, — праматери
 теperешнихъ крестьянскихъ сходовъ и стои-
 же неправильный“. „Мало по малу семьи при-
 вѣкаютъ, не смотря на внутреннюю разроз-
 ненность, все важныя и общія дѣла дѣлать
 вмѣстѣ, поговоря между собой. Поселенія
 становятся общинами.“ Одни общины имѣ-
 ли видъ городовъ, другія — видъ селеній, „Общи-
 ны, принадлежавшія къ одному племени, со-

брались на племенные вояжа. Были и племен-
 ные старейшины — князья; но, какъ въ общинахъ,
 они не вездѣ удержались. Варяги имѣли важе-
 нное значеніе въ Русской исторіи. „Они принесли
 съ собою первые зачатки гражданственности и по-
 литическаго государственнаго единства всей рус-
 ской земли... Они приносятъ съ собою дружину,
 упресненіе не русско-славянское, основанное на
 началѣ личности и до того чуждое нашимъ
 предкамъ, что въ нихъ языкъ и тотъ дикъ иго на-
 званій.“ Но Варяги скоро начали терять
 свою національность. Въ Святославъ подъ ва-
 рыжскими фориами уже видѣнъ Славянинъ,
 а въ княженіе Ярослава Варяги „совершенно
 подчиняются туземному русско-славянскому
 элементу.“ Въ мѣрь Владиміра и его дѣтей
 „выступаетъ на сцену историческаго дѣйство-
 ванія славя, разросшаяся потѣломъ въ цѣлый родъ.
 Конечно, она не была единственная въ тогдаш-
 ній Руси; были и другія; но ихъ судьбы теря-
 лись въ массу народа, и покрѣпы мраморъ.“
 Когда Ярославъ сталъ раздавать области
 своимъ сыновьямъ, причеиъ Кіевъ отдалъ сѣв-
 ерному сыну, то и другіе города стали при-
 надлежать остальнымъ сыновьямъ по сѣв-
 ерности; іерархія кровнаго старшинства
 должна была сообщиться землѣ и породѣ
 іерархію территориальнаго или городского
 старшинства. Последняя, утвердившись,
 могла бы поддержать политическое един-
 ство Россіи, ибо сама по себѣ она, единажды
 установленная, была неподвижна и прочна.
 Но ее создала первая, которая, безпресѣнно

измѣняясь со смертью и рожденіемъ князей, влекла за собой и территориальное устройство. Сначала, когда великій или другой князь умираетъ, происходитъ перемѣщеніе вѣсть князей изъ уѣзда въ уѣздъ, для уравновѣщенія кровнаго, гередоваго распорядка. Но равновѣсіе не могло долго продолжаться. Увеличеніе и уменьшеніе числа князей его нарушало; это должно было дать перевѣсъ началу одному... А тогдашнее личное начало, въ противоположность территориальному не могло упрочить государственной цѣльности Россіи. Его представлялъ родъ. Но законы развитія рода — распаденіе, уничтоженіе единства." Но скоро старшіе внуки, получивъ права своихъ старшихъ дядей, стали проваивать себѣ права своихъ дѣдовъ. „Между собой эти взаимно исключавшіе враждебныя начала — родовыя и семейственныя, огибавшіе, рано произошли колебанія, которое по закону распаденія кровнаго вѣста, должно было окончиться побѣдою послѣдняго надъ первымъ, а влѣсть съ тѣмъ уничтожить политическое единство Россіи, основанное на единствѣ княжескаго рода и такъ неразрывно съ нимъ связанное." И дѣйствительно, семейственное начало рано стало высказываться въ княжеской средѣ. Эти княжескіе сѣзды, ни личныя усилія Мономаха и Мстислава Великаго не могли поддержать единства распадающагося рода. Частые переходы князей, отлученія областей побудили разныя общины собраться. „Неспособны жить безъ князя, они раздумывая уселись себѣ

князей, отпавившихся гражданскими и воинскими доблестями, которые, управляя ими безъ наемия, могли въ случаѣ нужды защищать ихъ отъ безпрестанныхъ раззорительныхъ набѣговъ. Источеніе и ослабленіе князей даю общинамъ возможность осуществлять это желаніе. Они обладали средствами для войны, они были цѣлью вѣчныхъ распръ между князьями. Оттого они мало по малу стали выбирать себѣ князей, призывать и изгонять ихъ, заключать съ ними ряды или условія. Вѣща получили тогда болѣеую власть, и званіе вѣщевыхъ холодоловъ часто раздавалось въ русіи. Возвратившись опять времена изіранія старейшинъ въ лицѣ князей." Особенно развилась община на сѣверѣ... Новгородъ — община въ древне-русскомъ смыслѣ слова, наемимъ были болѣе или менѣе и во всѣхъ друиѣхъ общинахъ; только особенныя историческія условія дали формамъ ея рѣзко обозначиться, дали имъ гораздо болѣе ея политическое существованіе... Въ его внутреннемъ устройствѣ мы открываемъ ту же неопредѣленность, тоже отсутствіе твердой, юридической, на началъ личности созданной общественности, которая характеризуетъ нашу древнюю внутреннюю жизнь. Новгородъ состоялъ изъ множества общинъ; каждая изъ нихъ имѣла, въ главныѣхъ чертахъ, одинаковое устройство съ хѣлой Новгородской общиной. Постояннаго государственнаго устройствѣ нѣтъ: новый князь — новыя условія. У Новгорода и вообще у богатыхъ городовъ начинаются съ теле-

ниемъ времени замкивать князья, а города, вѣча съ своей стороны воздѣйствуютъ на князей и ослабляютъ ихъ власть. Въ стѣверо-восточной Руси зарождается новый порядокъ вещей.

Имѣетъ усиливается колонизация, являющаяся новой идеей, новымъ понятіемъ. Юрій Долгорукий еще поддерживаетъ связи съ Киевомъ и не задолго до смерти достигаетъ даже Киевскаго престола, но для его преемника Андрей великокняжеское достоинство — пустой титулъ, не дававшій никакой власти. Начиная съ Андрея Боголюбскаго, въ политической сферѣ семья одержала верхъ надъ родомъ. Но это первенство не уничтожило родового начала въ его основаніи, а только въ явленіи. Родовое начало сохранилось и продолжалось еще.

Теперь только ограничилось его попріище. Оно стало опредѣлять политическій бытъ разрозненныхъ княжествъ. Въ каждомъ изъ нихъ, въ маломъ видѣ, повторяется то же, что было сначала въ цѣлой Руси. Княжескіе роды размножаются; между нихъ меншимъ по родовому старшинству. Старшій называется великимъ и потому много великихъ князей въ Руси. Раздробляясь далѣе, князья становятся простыми вотчинными владѣльцами, насильственными господами отцовскихъ имѣній. Монголы играютъ важную отрицательную роль въ нашей исторіи. Для правъ князей на престолъ является новое мѣрило... «...ханами были чужды родовые расчеты... Но ихъ хотѣли князья, кто имъ было угодно, кто ревностно исполнялъ ихъ волю, были вѣрными

слугой и исправно платилъ данъ. Это были
 личные качества, не всегда совпадавшія съ ро-
 довыми преимуществами". „Монгольское иго
 усишило власть великаго князя и тѣмъ возсоз-
 дало видный центръ политическаго единства
 Руси. Изъ сѣверо-восточной ея половины, какъ
 прежде въ юго-западной, и по тѣмъ же причи-
 намъ, великокняжеское достоинство предъ Мон-
 голскими игомъ стало пустымъ титуломъ; оно
 не давало уже никакой власти надъ прочими
 князьями. Теперь великій князь — органъ и ору-
 діе Ханской воли". „Иванъ Великій былъ въ
 полномъ смысле князь восточный и смотрѣлъ
 на свои владѣнія, какъ на собственное". Онъ
 заботился только объ умноженіи своей вѣрности;
 этому особенно способствовала возложенная на
 него обязанность собирать данъ для Хана. Бо-
 гатство доставило ему преимущество власти. Вели-
 кокняжеское достоинство старается теперь
 удерживать за собой все Московскіе князья, тѣ
 какъ это достоинство служитъ лучшимъ сред-
 ствомъ для увеличенія вѣрности. Московскіе кня-
 зья дѣлили свою вѣрность поровну между сы-
 новьями, а Москва доставалась старшему. Но
 съ теченіемъ времени, чтобы отвратить сопер-
 ничество между дѣтьми, великіе князья стали
 давать старшему сыну большую часть, а про-
 чимъ — меньшія. „Въ Іоанна III московскіе го-
 судари принимаютъ титулъ царя, усваива-
 ютъ многія принадлежності власти Византій-
 скихъ императоровъ: гербъ двуглаваго орла, ре-
 галии, въѣзжаніе и помазаніе на царство; вели-
 кокняжескій дворъ и придворныя церемоніи

устраиваются по Византийскому образцу". Эти нововведения свидетельствуют, что, прежняя форма была недостаточна, узка, не выражала нового значения Московского государя. Изъ подъ Великокняжеской вотчины прогнать государство, отвлеченное нравственное лицо, нивелирующее свое физическое существование и самостоятельное разумное значение. Начало подданства начинается слиянием началом холопства; является понятию о государственной службе, о гражданстве, о равенстве перед судом. "Что вилье съ твоем Московское государство не стрѣлилось вполне отъ твоем историческихъ формъ, въ которыхъ оно появилось; оно только подготовило почву для новой жизни. Эту переходную эпоху нашей истории ограничиваютъ отъ предыдущаго послѣдующаго два величайшихъ дѣятели въ нашей истории - Иоаннъ IV и Петръ Великій. Первый ее начинаетъ, второй оканчиваетъ и начинаетъ другую. „Раздѣленные цѣлями въкомъ, совершенно различные по характеру, они замѣчательно сходны по стремленіямъ, по направленію дѣятельности. И тотъ, и другой преслѣдуютъ одни цѣли. Какая-то сила тѣхъ ихъ связываетъ. Петръ Великій глубоко уважалъ Иоанна IV, называлъ его своимъ образцомъ и ставилъ выше себя. И въ самомъ дѣлѣ, царствованіе Петра было продолженіемъ царствованія Иоанна. Недоконченныя, остановившіяся на полдорогѣ реформы послѣдняго продолжалъ Петръ. Выходило замѣтно даже въ частности. Оба равно живо сознава-

ли идею государства и были благороднейшими, достойнейшими ее представителями; но Иоанн сознавал ее, какъ поэтъ, Петръ Великій какъ вождь, по преимуществу, практическій. У перваго преобладаетъ воображеніе, у втораго — воля. Время и условія, при которыхъ они дѣйствовали, положили еще большее различіе между этими двумя великими государями. Одаренный натурой энергической, страстной, поэтической, менее реальной, нежели преобладали его мысли, Иоанн изнемогъ, наконецъ, подъ временемъ тупой, полупатріархальной, тогда уже безсмысленной среды, въ которой суждено было ему жить и дѣйствовать. Борясь съ ней на смерть много лѣтъ и не видя результатовъ, не находя оузы, онъ потерялъ въру въ возможность осуществленія своихъ великихъ замысловъ. Тогда жизнь стала для него несносной ношею, непрерывнымъ мученіемъ: онъ сдѣлался ханзой, тираномъ и трусомъ. Иоанн IV такъ глубоко палъ именно потому, что былъ великъ. Его отецъ Василій, его сынъ Георгій не падали. Петръ, одаренный страшной волей и удивительнымъ практическимъ смысломъ, жилъ вѣкомъ позже, когда обстоятельства уже измѣнились и многое было приспособлено; у него были предшественники, даже предшественники; съ увѣренностью гениальнаго чело-вѣка онъ принялся за свое дѣло; онъ имѣлъ рѣдкое счастье видѣть, какъ его начинанія зрѣли и приносили плоды; но и характеръ самого Петра отпалъ въ суровую, жесѣкую форму; и ему нужны были шумныя развлеченія, въ которыхъ онъ могъ бы забываться; и на него набедничили

ноты, когда мысли его слабы и тяжкое, скорбное изнеможение, душевная усталость прерывали его неутомимую деятельность". Иоанн для осуществления своих реформ призывал к себе людей худародных, особенно грамотных, дворян; но, за какие реформы ни принимался Иоанн, всё ему не удалось, потому что в обществе не было еще элементов для лучшего порядка вещей. Иоанн искал органов для осуществления своих мыслей и не нашел; их нигде было взять. Растерзанный, измученный безплодной борьбой Иоанн мог только мстить за неудачи, под которыми похоронил он все свои надежды, всю веру, все, что было в нем великого и благородного — и мститъ страшно. Уже времена Петра это родовое великодержавство удержались только насильственностью важнейших чинов и боярская душа; но и это, с учреждением сената и введением табели о рангах, исчезает навсегда. С постепенным исчезанием родового и семейственного принципа начинается выходящаяся в русской жизни личное начало. „Уже Петръ Великій личность на русской почве вступила в свои безусловныя права, отрывишась отъ непосредственныхъ, природныхъ, исключительныхъ — національныхъ опредѣленій.“ Эпоха реформы приготовлена великою предшествовавшей войною. Благодаря появлению личного начала, мы тѣсно сблизились съ Европой, которая къ этому времени совершенно другимъ путемъ вошла къ одной изъ насъ. „Мы замѣстивали у Европы не ея исключительныя національныя элементы; тогда они уже исчезли или

исчезали; и у ней, и у насъ ниа рече тогда о
человѣкѣ."

Разсматривая наши статьи Кавелина есѣ
общеніи громадной суммы фактовъ, философ-
ское построеніе русской исторіи, оправдывающее
на каждомъ шагу фактическими матеріалами.

§18. Чичеринъ.

Библиографія:

Энциклопедическій Словарь Брокгау-
за и Ефрона. Полуптисъ 76.
стр. 887 — 901.

Работы съ Кавелинымъ нужно поставитъ друга-
го изслѣдователя — юриста, современника его —
Чичерина.

У Кавелина вотчинное начало не играетъ
такой существенной роли, какъ у Чичерина,
который построилъ весь свой взглядъ на ха-
рактеръ юридическаго быта до Петра на эпоху
начала въ своемъ сочиненіи „Областные учреж-
денія въ московскомъ государствѣ въ XVII в.“ и
въ другихъ статьяхъ. XVII ^{вѣкѣ} въѣтъ характе-
ризуется повсемѣстнымъ учрежденіемъ воеводъ.
Въ своемъ введеніи къ „Областнымъ учрежде-